

К вопросу о понятии «Советская литература»

Е. Л. ГРЕЧАНИКОВА

Данная научная статья посвящена термину «советская литература». Мы исследуем условия возникновения данного термина и его функционирование в определенных историко-культурных условиях. Также мы исследуем проблему трактовки термина «советская литература» в современном литературоведении.

Ключевые слова: ангажированность, гиперморализм, идеологичность, псевдодокументалистика, советская литература, соцзаказ

This scientific article is devoted to the term “Soviet literature”. We investigate the conditions of origin of this term and note its immediate connection with the historical events. We also consider the problem of solution of the “Soviet literature” term semantic limits in the modern literature studies.

Keywords: commitment, hypermoralizm, ideology, pseudodocumentalistics, Soviet Literature, social order.

Один из величайших деятелей Ренессанса, Микеланджело, писал в середине XVI века о несчастливой доле художника в век тирании: «Молчи, прошу, не смей меня будить. / О, в этот век, преступный и постыдный, / Не жить, не чувствовать – удел завидный, / Отраднo спать, отрадней камнем быть [Цит. по: 1, с. 75].

Не вызывает сомнений, что под этими строками с горечью поставили бы свою подпись сотни (если не тысячи) литераторов советской эпохи – те, что не шли на компромисс, до конца оставались верными чести и совести. Безусловно, советская эпоха была настоящей школой выживания для искусства в целом и литературы в частности, однако нам, «жителям» 21 века, вероятно, дана возможность быть подчеркнута беспристрастными в оценке прошедшей – и, следует признать, феноменальной – эпохи. Так, И. Кондаков полагает, что именно «сегодня явно наступает время для того, чтобы взглянуть «без гнева и пристрастия» на культуру советской эпохи и увидеть в ней не одну лишь политическую демагогию и фальшь, не одни лишь конъюнктурные подделки и идеологические штампы... В советской эпохе были не одни лишь литературные и художественные однодневки, удел которых за пределами эпохи – немедленное, необратимое забвение, но и тот «сухой остаток» культурного наследия, который и в XXI веке... будет определять культурно-историческое значение советской литературы...» [2, с. 3]. Ю. Борев говорит о необходимости для культуры XXI «продумать большую аналитическую работу, чтобы определить реальную художественную ценность «раскрученных», разрекламированных, несправедливо награжденных, незаслуженно приподнятых на высоту классики и, с другой стороны, незаслуженно обойденных вниманием авторов и произведений XX века» [3, с. 19]. Сегодня литературные критики не спешат развешивать ярлыки, повторяя ошибки своих бескомпромиссных предшественников 80-х годов. В. Ванслов считает недопустимым «нигилизм в оценке нашего художественного прошлого...» [4, с. 68].

Данная работа посвящена исследованию понятия «советская литература» на предмет предпосылок и условий возникновения данной реалии. Также нас будет интересовать, что подразумевается под этим понятием советскими и постсоветскими исследователями и критиками и как определялись цели и задачи для литературы, именуемой «советской», курировавшей её властью, теми литераторами, которые были удостоены звания «советских», и теми, кто оказался вне советского литературного процесса.

«Краткая литературная энциклопедия» (1971 г.) даёт следующее определение: «Советская литература – художественная литература народов Советского Союза, возникшая после Великой Октябрьской социалистической революции» [5, стл. 996]. Кроме того, это «литература, открыто связанная с революционным движением рабочего класса, с борьбой народа за социализм...», «проникнутая революционно-гуманистическим, созидательным пафо-

сом, верой в безграничные возможности человека» и противостоящая «упадочному буржуазному искусству» [5, стц. 996]. Одна из основных задач советской литературы - «утвердить в сознании читателей революционно-социалистическую перспективу» [5, стц. 1002]. На сегодняшний день данное определение видится лишённым объективности. Впрочем, как и суждение В. Ерофеева, представляющего советскую литературу как «порождение соцреалистической концепции, помноженной на слабость человеческой личности писателя, мечтающего о куске хлеба, славе и статус-кво с властями» [6, с. 1].

С первых же лет существования Советского Союза литература неизменно рассматривается властью как механизм воздействия на население. Возникают идеологически ангажированные литературные организации, партийная власть на законодательном уровне регулирует художественный процесс многочисленными резолюциями. Уже в эти годы появляется понятие «советская литература» и метод «социалистического реализма», утверждавший «избавление от зла революционным насилием» [3, с. 31 – 32]. Данный метод зачастую имел весьма отдалённое отношение к искусству и, по мнению В. Ерофеева, «заклучался в пламенном устремлении к внелитературным задачам, созданию «нового человека» [6, с. 2]. В 1934 году понятие «советская литература» обретает более чёткие границы в связи с 1-м Всесоюзным съездом советских писателей, на котором она позиционируется как демократичная, учитывающая особенности духовной культуры каждого из народов СССР. Т. е. под понятием «советская литература» подразумевается совокупность советских национальных литератур с «собственной историей и творческим своеобразием», но (!) объединённых «единой социально-идеологической направленностью, общностью социалистических идеалов и эстетических принципов» [5, стц. 996].

Характерной позицией для советской литературы на начальном этапе развития было поощрение отсутствия индивидуального начала, личности писателя в пользу идеологических установок. Ю. Колкер с удивлением замечает, что в речи Н. И. Бухарина «больше всего похвал досталось Пастернаку и Тихонову, но – оба слишком субъективны, слишком индивидуальны, нарушают законы «сложной простоты» [7, с. 210]. И. Эренбург в своём выступлении восклицает: «Я – рядовой советский писатель (аплодисменты). Это – моя радость, это – моя гордость (аплодисменты)...» [Цит. по: 7, с. 213]. Заметим, что центральное слово – рядовой (т. е. один из безликой массы, что в корне противоречит идее творчества как проявлению индивидуальности). Действительно, индивидуальное, авторское не приветствовалось, поскольку советская литература с самого начала позиционировалась именно как порождение революции на благо революционным же идеям, а не искусству (в его классическом понимании). И главной задачей союза писателей было зоркое слежение за тем, чтобы ни одно «бесполезное» (безусловно, с точки зрения революционной пользы) произведение не пробралось в ряды советских. М. Горький (надо полагать, не без внутренних сомнений) бодро докладывал делегатам 1-го Всесоюзного съезда: «Нам необходимо знать всё, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как всё это освещается учением Маркса-Ленина-Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях... Вот какова, на мой взгляд, задача союза литераторов...» [Цит. по: 7, с. 211 – 212]. Исаак Бабель в своём выступлении и вовсе заявил, что «работать, как Сталин, над словом нам надо (аплодисменты)...» [Цит. по: 7, с. 214].

Следует отметить, что советская литература на съезде была представлена как мощное оружие против буржуазного мира, поскольку, по словам В. Вишневского, «мы стоим перед большим и окончательным расчётом с пятью шестью мира (аплодисменты)...» [Цит. по: 7, с. 215].

В связи с рассмотрением проблемы идейной ангажированности/соцзаказа стоит упомянуть о небезынтересном жанре, получившем повсеместное развитие именно в советской литературе. Речь идёт о т. н. «литературе «факта» и о М. Горьком, которому, как известно, была отведена роль «пропагандиста документального начала в искусстве» [8, с. 152]. На деле же перед писателем стояла задача освещать, по выражению автора статьи «Документальное начало в литературе XX века» Е. Меестергази, «благословлённую властью правду»: «...Горький был вынужден или молчать, или представлять факты «в нужном свете», своим авторитетным словом освящая целое направление в советской литературе, называемое «литературой факта», а на поверку являющееся не чем иным, как псевдодокументалистикой» [8,

с. 152]. Так появилась книга «документальных» очерков «Беломорканал» и состоялась сделка с совестью. Благодаря популяризации «литературы факта», или псевдодокументалистики, «рождались многочисленные биографии революционных деятелей, начиная с семьи Ульяновых, книги о пионерах-героях, о «комсомольских» стройках и т. д.» [8, с. 154].

Немаловажным было и определение границ понятия «советская литература»: что ею является, а что безвозвратно остаётся за её пределами. По мнению И. Кондакова, «для советской культуры её классического периода (сталинская эпоха) «чужим» было, во-первых, всё досоветское; во-вторых, всё антисоветское (в том числе эмигрантское и относящееся ко «внутренней эмиграции»), в-третьих, всё размывающее специфику собственно «советского» и допускающее те или иные формы компромисса с «чужим» [2, с. 5]. И если насчёт «всего антисоветского» в большей или меньшей степени всё понятно, то с литературой досоветского периода всё обстояло сложнее. Поскольку советская литература представлялась как принципиально новый виток в искусстве, невозможно было обойти вопрос её взаимоотношений с классическим наследием русской литературы. Вопрос этот был чрезвычайно щепетивен и неоднозначен, поскольку отказаться от литературы, вышедшей в большинстве случаев из-под пера представителей русского дворянства, не представлялось возможным. Проще обстояло дело с писателями-провозвестниками революции, предвосхитившими «традиции революционно-демократического эстетического сознания (В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов)» [5, стл. 998]. Прочая же дореволюционная литература представлялась как литература, проникнутая демократическими и социалистическими тенденциями, «пробивавшая себе дорогу в борьбе против консервативно-охранительной и либеральной идеологии». К авторам «стоящей литературы» советские идеологи отнесли А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

В статье «Русские цветы зла» В. Ерофеев отмечает, что «гиперморализм», свойственный русской литературе в целом, был заимствован и советской литературой. Разница лишь в том, что если русские классики ещё в 19 веке склонялись к тому, что зло изначально существует в самом человеке (проблема лишь в личном выборе), то советские литераторы-идеологи убеждали читателя (и себя?) в его исключительно социальной природе. Фраза «человек – это звучит гордо», по мнению В. Ерофеева, «ложится в фундамент социалистического реализма», [9, с. 231].

Итак, представляется возможным выделить ряд признаков, позволяющих говорить о советской литературе как о реалии, обладающей определённой художественной цельностью: позиционирование многонационального аспекта как неперемennого достоинства; поощрение на начальном этапе отказа от индивидуального начала в пользу интересов государства; идейная ангажированность (проблема соцзаказа); своеобразный подход к переосмыслению классического наследия: восприятие писателей классиков исключительно как провозвестников революции; бескомпромиссное определение границ понятия «советская литература» советскими идеологами. До сегодняшнего дня спорным представляется вопрос о границах понятия «советская литература». И. Кондаков в работе «Где ангелы реют» говорит о том, что «перед нами, находящимися на рубеже XX и XXI веков, – три ряда русской литературы, причём три принципиально разных ряда... Литература Русского Зарубежья, официальная советская литература и литература оппозиционно-советская (так называемая «русская эмиграция»)» [10, с. 33]. Вопрос состоит в том, включать ли «оппозиционно-советскую» литературу в понятие «советской». Автор полагает, что такое включение было бы логичным, поскольку «обе «советские литературы» (в отличие от эмигрантской) выражали одну, советскую, эпоху. Обсуждали один круг проблем и жизненных реалий, творили единую, хоть и крайне противоречивую, культурную историю и в этом качестве составляли одно целое – русскую литературу советской эпохи» [10, с. 34]. По мнению И. Кондакова, «к «советской литературе», с некоторой долей условности, можно отнести не только Горького и Маяковского, Серафимовича и Демьяна Бедного, но и Пастернака, Гроссмана, Шаламова, Солженицына... Ведь они

жили и работали в советское время, хотя и во многом вопреки ему, наперекор литературному и политическому официозу, конъюнктуре... Последние были «советскими писателями поневоле»... [2, с. 4].

Согласившись с подобным утверждением, мы заметно расширили бы круг имён и произведений, именуемых «советскими», что было бы не совсем объективным. Корректнее разграничить термины «советская литература» (подразумевая официально признанную часть) и «литература советской эпохи», подчеркнув их несомненную связь и даже взаимозависимость. Такое разделение обеднит реалию «советская литература» с точки зрения её вклада в культурный фонд, однако, несмотря на это, стоит согласиться с И. Кондаковым: «Какой бы однообразной, идеологически плоской ни представлялась нам «первая», официальная советская литература, без неё сегодня невозможно понять ни советской эпохи, ни мышления людей, населявших её...» [10, с. 38].

Литература

1. Кожин, В. В. Существенная, но почти не осмысленная проблема русской литературы XX в. / В. В. Кожин // Теоретико-литературные итоги XX века. / Ю. В. Борев [и др.]; редкол.: Ю. Б. Борев (гл. ред.), Н. К. Гей, О. А. Овчаренко, В. Д. Сквозников и др. – М., 2003. – С. 75 – 76.

Т. 1. Литературное произведение и художественный процесс / Редкол.: Ю. Б. Борев (отв. ред.), С. Г. Бочаров, И. П. Ильин и др. – 2003. – 373 с.

2. Кондаков, И. Наше советское «всё» (Русская литература XX века как единый текст) / И. Кондаков // Вопросы литературы. – 2001. – № 4. – С. 3 – 69.

3. Борев, Ю. Б. Литература и литературная теория XX века. Перспективы нового столетия / Ю. Б. Борев // Теоретико-литературные итоги XX века. / Ю. В. Борев [и др.]; редкол.: Ю. Б. Борев (гл. ред.), Н. К. Гей, О. А. Овчаренко, В. Д. Сквозников и др. – М., 2003. – С. 6 – 48.

4. Ванслов, В. В. Художественный опыт России XX в. / В. В. Ванслов // Теоретико-литературные итоги XX века. / Ю. В. Борев [и др.]; редкол.: Ю. Б. Борев (гл. ред.), Н. К. Гей, О. А. Овчаренко, В. Д. Сквозников и др. – М., 2003. – С. 62 – 71.

5. Краткая литературная энциклопедия. / Гл. ред. А. А. Сурков. – М., «Советская энциклопедия», 1971. – Т. 6. – 1040 с.

6. Ерофеев, В. Поминки по советской литературе / В. Ерофеев // Русская литература XX века в зеркале критики: хрестоматия для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений / Сост. С. И. Тимина, М. А. Черняк. – СПб.: филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003.

7. Колкер, Ю. Чтоб Кафку сделать былью. 70 лет назад состоялся Первый съезд советских писателей / Ю. Колкер // Звезда. – 2004. – № 10. – С. 207 – 217.

8. Меестергази, Е. Г. Документальное начало в литературе XX века / Е. Г. Меестергази // Теоретико-литературные итоги XX века. / Ю. В. Борев [и др.]; редкол.: Ю. Б. Борев (гл. ред.), Н. К. Гей, О. А. Овчаренко, В. Д. Сквозников и др. – М., 2003. – С. 134 – 160.

9. Ерофеев, В. Русские цветы зла / В. Ерофеев // Русская литература XX века в зеркале критики: хрестоматия для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений / Сост. С. И. Тимина, М. А. Черняк. – СПб.: филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 230 – 243.

10. Кондаков, И. Где ангелы реют / И. Кондаков // Вопросы литературы. – 2000. – № 5. – С. 3 – 44.